

ЛИНГВИСТИКА

Семантика суммарных дистрибутивов с префиксом по- в свете теории Л. В. Щербы об эксперименте в языкознании

© кандидат филологических наук А. А. Караванов, 1999

При обучении иностранцев русскому языку широко используется **метод интерпретации** языковых явлений. Однако во многих случаях интерпретация оказывается недостаточной, поскольку она требует проверки посредством **лингвистического эксперимента**. Лингвистический эксперимент невозможен, когда изучают мертвый язык: в этом случае, за отсутствием носителей языка, обратиться за подтверждением или опровержением предложенной интерпретации оказывается просто не к кому. Лингвистический эксперимент невозможен и в том случае, когда изучают живой язык, но при этом преподаватель не является его носителем: в такой ситуации преподавание живого языка, вероятно, мало чем отличается от преподавания языка мертвого. Оптимальной для преподавания языка является, конечно же, ситуация, когда живой язык преподается его носителем, поскольку здесь открывается практически неограниченное поле деятельности для лингвистического эксперимента. Полагаем, именно возможность постоянного лингвистического экспериментирования создает наиболее благоприятную среду для формирования и развития **языкового чувства**, которое является несравненно более ценным приобретением, чем самое точное знание языковых правил.

О важной роли эксперимента в языкознании впервые в отечественной лингвистике заговорил Л. В. Щерба. Л. В. Щерба так обосновывает необходимость проведения лингвистического эксперимента: "... лингвисты совершенно правы, когда выводят языковую систему, т.е. словарь и грамматику данного языка, из соответственных текстов, т.е. из соответственного языкового материала. Между прочим, совершенно очевидно, что никакого иного метода не существует и не может существовать в применении к мертвым языкам.

Дело обстоит несколько иначе по отношению к живым языкам, и здесь и лежит заслуга Боудэна, всегда подчеркивавшего принципиальную, теоретическую важность их изучения. Большинство лингвистов обыкновенно и к живым языкам подходит, однако, так же, как к мерт-

вым, т.е. накапливает языковой материал, иначе говоря, записывает тексты, а потом их обрабатывает по принципам мертвых языков. Я утверждаю, что при этом получают мертвые словари и грамматики. Исследователь живых языков должен поступать иначе. Конечно, он тоже должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но, построив из фактов этого материала некую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на новых фактах, т.е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом в языкознание вводится принцип эксперимента. Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т.п., следует попробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило. Утвердительный результат подтверждает правильность постулата и, что любопытно, сопровождается чувством большого удовлетворения, если подвергшийся эксперименту сознательно участвует в нем.

Но особенно поучительны бывают отрицательные результаты: они указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его ограничений, или на то, что правила уже больше нет, а есть только факты словаря, и т.п. Полная законность и громадное значение этого метода иллюстрируются тем, что когда ребенок учится говорить (или взрослый человек учится иностранному языку), то исправление окружающими его ошибок (“так никто не говорит”), которые являются следствием или невыработанности у него, или нетвердости правил (конечно, бессознательных), играет громадную роль в усвоении языка” [1, с. 367-368].

В данной статье мы попытаемся показать, как применение метода лингвистического эксперимента позволяет уточнить определение семантики глаголов дистрибутивно-суммарного способа действия с приставкой ПО- (глаголы типа **повырубить**, **повытalkingивать** и под.).

Впервые в отечественной лингвистике указанный тип глаголов был выделен Г. К. Ульяновым, отметившим, что в группе суммарных глаголов имеется особая подгруппа с приставкой ПО-. Основы этих глаголов Г. К. Ульянов назвал **дистрибутивно-суммарными** [2, с. 159]. Класс дистрибутивных глаголов (называемых также распределительными) вошел во все позднейшие классификации русских способов глагольного действия (Е. А. Земской, А. В. Исаченко, Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Н. С. Авиловой, М. А. Шелякина).

Г. К. Ульянов так определяет семантику дистрибутивно-суммарных глаголов с приставкой ПО-: “... в этих суммарных основах всегда обозначается такая делимость целого времени признака, которая обуславливается именно раздельностью проявления признака по отно-

шению к многим субъектам или объектам...” [там же]. В дальнейшем отдельные элементы концепции Г. К. Ульянова были подвергнуты в трудах отечественных лингвистов существенному пересмотру. Так, Ф. Ф. Фортунатов в своем “Критическом разборе...” исследования Г. К. Ульянова, говоря о глаголах, которые Г. К. Ульянов называл дистрибутивно-суммарными, выделяет в их семантике компонент, который не был отмечен Г. К. Ульяновым: “... сюда принадлежат основы, в которых приставка обозначает или **постепенное** (выделено нами — А. К.) распространение признака на сумму объектов и на отдельные объекты в целой сумме, или **постепенное** (выделено нами — А. К.) сочетание признака с суммой субъектов и с отдельными субъектами в целой сумме, напр. в русск. **настрелять, перестрелять, наехали гости, повскакать** и т.д. ...” [3, с. 117].

В дальнейшем в большинстве отечественных аспектологических исследований предпочтение отдавалось интерпретации семантики дистрибутивно-суммарных глаголов, предложенной Ф. Ф. Фортунатовым: сторонники Ф. Ф. Фортунатова отмечают, что в семантике суммарных дистрибутивов имеется сема ‘постепенность, поочередность действия’, о которой ничего не говорил Г. К. Ульянов, Наиболее эксплицитный характер противопоставление двух указанных точек зрения принимает у Е. А. Земской. Е. А. Земская говорит: “Не прав был Г. К. Ульянов, утверждавший...: ... в этих (с приставкой **по-** — Е. 3.) суммарных основах всегда обозначается такая делимость целого времени признака, которая обуславливается именно раздельностью проявления признака по отношению ко многим субъектам или объектам” [4, с. 29, сноски].

Кроме Ф. Ф. Фортунатова и Е. А. Земской, сему ‘постепенность, поочередность’ в семантике суммарных дистрибутивов выделяют также А. В. Исаченко [5], А. В. Бондарко [6], Н. С. Авилова [7], М. А. Шелякин [8] (хотя в более ранней работе А. В. Бондарко говорит, что эти глаголы не обязательно выражают сему ‘поочередность’ [9]). Противоположной точки зрения придерживаются, кроме Г. К. Ульянова, также В. И. Даль [10], Ю. С. Маслов [11] и И. С. Улуханов [12].

В качестве наглядного примера толкования семантики суммарных дистрибутивов как глаголов, выражающих значение **постепенного** охвата действием субъектов или объектов, можно привести следующее рассуждение А. В. Бондарко: “В глаголах распределительного (дистрибутивного) способа действия (**Пчелы всех пережалили; Побросали вещи; Все попрыгали в воду; Дети переболели корью**) целостность выступает как своего рода вторичное сведение к единству того, что является множественным в реальной внеязыковой действительности. Перед нами фактически ряд действий, поочередно распространяющихся

на разные объекты (ужалили одного, затем другого...) или выполняемых разными субъектами (один прыгнул, затем другой и т.д.)” [6, с. 14].

Однако приведенное рассуждение А. В. Бондарко опровергается корректностью следующей фразы: “Все **одновременно попрыгали** в воду”. Ср. также абсолютную корректность следующих предложений: Солдаты **одновременно побросали** винтовки; Все **одновременно повскакали** со своих мест; После выхода в свет нового указа всех лидеров профсоюза **в один день поувольняли** с работы и т.д.

Заметим, что семантика одновременности действия, выражаемого суммарным дистрибутивом, может быть очевидна и в отсутствие в контексте обстоятельства со значением одновременности, как, например, в следующих предложениях:

“В одну из недавних ночей подмосковная Балашиха была разбужена двумя мощными взрывами. В близлежащих домах **повыбило** стекла” (“Комсомольская правда”, 08. 09. 1989); “Когда, наконец, [сбор] взорвали, то стены у соседних домов, как от землетрясения, дергались, и стекла **повылетали**” (“Вечерняя Москва”, 01. 09. 1990); “Мне зубы **повыбили** стволом винтовки” (Центральное телевидение, 18. 07. 1990).

Ср. также корректность следующих предложений: Одним шаром он **посшибал** все кегли; Порыв ветра **посрывал** крыши с домов; Подземный толчок **покрушил** все телеграфные столбы; Одним разрывом динамита **поглушили** всю рыбу в пруду; От резкого торможения пассажиры автобуса **попадали** и т.д.

Таким образом, тезис о наличии в семантике самого дистрибутивно-суммарного способа глагольного действия семы ‘поочередность’ противоречит фактам языка (во многих случаях семантика поочередности либо прямо выражается средствами контекста, либо логически вытекает из него).

Некоторые лингвисты, не выделяя семы ‘поочередность’ в значении дистрибутивно-суммарных глаголов с приставкой ПО-, в то же время обнаруживают эту сему в значении приставки ПЕРЕ-. Так, сопоставляя глаголы с приставками ПО- и ПЕРЕ-, И. С. Улуханов говорит: “Ситуации, описываемые однокорневыми глаголами с **пере-** и **по-**, нередко тождественны, ср. **побить все чашки** и **перебить все чашки** (все чашки разбиты и при этом не одновременно), но поочередность действий маркирована лишь глаголом с **пере-**” [12, с. 201]. Такой же точки зрения придерживается и Ю. С. Маслов [11, с. 76-77].

Полагаем, однако, что хотя приставка ПЕРЕ- в целом чаще употребляется при обозначении поочередных действий, чем приставка ПО-, сама она, по-видимому, все же не маркирует поочередности действий точно так же, как и приставка ПО-. Ср. корректность следующих пред-

ложений, в которых распределительный глагол с приставкой ПЕРЕ- употреблен для обозначения одновременных действий: Он сел на сумку и **передавил** помидоры; Он дернул скатерть и **перебил** посуду; Он закричал во сне и **перебудил** весь дом; Одним ударом ему **переломали** все ребра; Одним взрывом он **переглушил** всю рыбу в пруду и т.д.

Таким образом, применение метода лингвистического эксперимента позволяет уточнить определение семантики глаголов дистрибутивно-суммарного способа действия.

Однако если в определении семантики дистрибутивно-суммарного способа глагольного действия “дистрибутивность” не означает “поочередность”, то что же тогда означает “дистрибутивность”? На этот вопрос, как нам кажется, Г. К. Ульянов дает достаточно ясный ответ, когда говорит, что в суммарных основах с приставкой ПО- “всегда обозначается такая делимость целого времени признака, которая обуславливается именно раздельностью проявления признака по отношению к многим субъектам или объектам” [2, с. 159]. “Раздельность проявления признака” означает, что в случае, когда действие совершается группой субъектов, действие каждого конкретного субъекта рассматривается отдельно от остальных, как бы “крупным планом”; точно так же и в случае, когда действие совершается над группой объектов, действие над каждым единичным объектом рассматривается отдельно от остальных (тоже как бы “крупным планом”).

Ясно, что в денотативном плане дистрибутивно-суммарный глагол с приставкой ПО- ничем не отличается от исходного глагола: оба глагола отражают одну и ту же “картину мира”. При этом употребление суммарного дистрибутива является, во-первых, факультативным, во-вторых, экспрессивным; так, во всяком случае, обстоит дело с суммарными дистрибутивами с приставкой ПО-, произведенными от приставочного глагола. Например, предложения *Валютные магазины закрыли* и *Валютные магазины позакрывали* отражают одну и ту же “картину мира”; разница между ними лишь в том, что глагол **позакрывали** имеет экспрессивную окраску и свойствен только разговорному стилю речи (возвращаясь к обсуждавшемуся выше вопросу о семеме ‘поочередность’, следует заметить, что этой семеме здесь нет ни в семантике глагола, ни в контексте: валютные магазины вполне можно “позакрывать” в один день).

Итак, лингвистический эксперимент позволяет уточнить определение семантики суммарных дистрибутивов с приставкой ПО-. Полагая, этот метод может быть очень продуктивным в преподавании РКИ. Например, если иностранец обратится к преподавателю русского языка с вопросом, выражают ли суммарные дистрибутивы с префиксом ПО- значение поочередности (поскольку одни русскоговорящие, возможно,

скажут ему, что выражают, а другие — что не выражают), то оптимальным ответом будет, очевидно, русское предложение, в котором суммарный дистрибутив выражает одновременные действия, и при этом данное предложение является абсолютно корректным. Такой ответ является наиболее объективным, поскольку он выражает не личную точку зрения преподавателя, а просто показывает, как обстоит дело в языке. “Так говорят” или “так не говорят” — вот что самое главное для изучающего русский язык иностранца. Именно лингвистический эксперимент непосредственно направлен на формирование языкового чувства, на усвоение тех “бессознательных” (по выражению Л. В. Щербы) правил языка, которые не всегда удается отразить в словарях и грамматиках. Вероятно, наиболее точный критерий знания иностранцем русского языка состоит в его умении определить, является ли то или иное предложение правильным (“так можно сказать по-русски” или же “по-русски так не говорят”). Формирование языкового чувства посредством лингвистического экспериментирования — задача, конечно же, очень сложная, однако без этого выучить иностранный язык невозможно. Выучить живой язык можно не иначе, как общаясь с носителями на их языке. И если для ученого-русиста лингвистический эксперимент — это прежде всего научный метод для подтверждения или опровержения его гипотез, то для иностранца, еще не вполне свободно владеющего русским языком, вся его речевая деятельность фактически представляет собой нескончаемый ряд лингвистических экспериментов.

Л и т е р а т у р а

1. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II — М.: Просвещение, 1965. — С. 361-373.
2. Улянов Г. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. — Ч. II: Основы, обозначающие различия по видам. — Варшава: Тип. Варшавск. уч. окр., 1895.
3. Фортунатов Ф. Ф. Критический разбор сочинения профессора Императорского Варшавского университета Г. К. Улянова “Значения глагольных основ в литовско-славянском языке”. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1897.
4. Земская Е. А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. — М.: АН СССР, 1955. — С. 5-41.
5. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. — Братислава: Словацкая Академия наук, 1960. — Т. I. — Ч. II.
6. Бондарко А. В. Вид глагола и способы действия в русском языке // Русский язык в национальной школе. — 1971. — №- 2. — С. 6-17.
7. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. — М.: Наука, 1976.
8. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола: Теоретические основы. — Таллин: Валгус, 1983.
9. Бондарко А. В., Буланин Л. А. Русский глагол. — Л.: Просвещение, 1967.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Воспр. 2-го изд., испр. и умн. — Т. 3. — М.: Русский язык, 1990.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 10. – 160 с. ISBN 5-89209-503-7

11. *Маслов Ю. С.* Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. — Л.: Ленингр. ун-т, 1965. — С. 53-80.
12. *Улукханов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. — М.: Наука, 1977.